94

РУССКІЙ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Гаагъ — Гербель.

119812

Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества.

Вол ГМУ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1914.

ББК 92
Р 89

РУССКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Гааг — Гербель

Репринтное воспроизведение
издания 1896 года

Художник
Е. Клодт

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
1999

Изданъ подъ редакціей Н.П. Чулкова

ISBN 5-7567-0086-2 (Гааг — Гербель)
ISBN 5-7567-0064-1

зыкантовъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Г. принятъ русское подданство, имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника, орденъ св. Владиміра, и былъ причисленъ къ дворянству Спб. губерніи. Г. былъ лично хорошо извѣстенъ императору Николаю I и нерѣдко сочинялъ и арранжировалъ марши по Высочайшему указанію. Въ Спб. Г. дирижировалъ также инвалидными концертами. Музыкальный салонъ его (близъ цирка Чинизелли), въ которомъ собиралась Петербургская Sing-Akademie, былъ извѣстенъ въ музыкальныхъ кругахъ столицы. Г. умеръ 18 октября 1851 г. въ Петербургѣ. Погребенъ на Волковомъ лютер. кладбищѣ. Ему принадлежатъ арранжировки гимна Львова «Боже, Царя храни» для военныхъ хоровъ. Въ 1845 г. въ Спб. вышелъ «Военно-музык. альбомъ, посвященный войскамъ россійской арміи», изданный Гаазе и заключающій въ партитурѣ, кромѣ гимна Львова, марши и арранжировки для военнаго хора. Нѣкоторые изъ маршей Г. вошли въ обиходъ даже германской военной музыки, какъ напр. Скорый Преображенскій маршъ (съ гимномъ Львова въ «тріо» марша).

Штаффордъ, Исторія музыки, пер. Воронова Спб. 1838, г. стр. 396. — А. А. Шульцъ, Ф. Б. Гаазе (Рус. Муз. Газ. 1904 г. № 5). — Теноръ, «Кто композиторъ нынѣшняго народнаго гимна» (Рус. Муз. Газ. 1903 г. № 52). — Н. Соловьевъ, статьи въ Бирж. Вѣд. 1904 г. №№ 10, 34, 77. — Н. Жерве, ст. въ «Русск. Инвал.» 1904 г. № 12. — «Кто авторъ нар. гимна?» (Рус. Муз. Газ. 1904 г. № 8, стр. 198—205). — Соловьевъ. Къ 75-лѣтію нар. гимна Львова (Нов. Время 1908 г. № 11769). — Бар. Штакельбергъ. Объ авторѣ нашего народнаго гимна (Нов. Время 1910 г. № 12294.). — Петербургскій Некрополь, I, 511.

Н. Финдейзенъ.

Гаазъ (Haas) *Ѳедоръ* (Фридрихъ-Іосифъ) *Петровичъ*, врачъ-филантропъ, родился 24-го августа 1780 г. въ нѣмецкой семьѣ, въ Мюнстерэйфелѣ близъ Кельна. Дѣдъ его былъ докторомъ медицины, отецъ — аптекаремъ. Несмотря на многочисленность семьи (она состояла изъ пяти братьевъ и трехъ сестеръ) и ограниченность средствъ, всѣ братья получили прекрасное образованіе. Первоначально Г. учился въ мѣстной католической церковной школѣ, затѣмъ слушалъ курсы философіи и математики въ Іенскомъ университетѣ и, наконецъ, окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ еще спеціально занимался изученіемъ болѣзней глаза подъ руководствомъ извѣстнаго тогда офталмолога Адама Шмидта. Г. былъ однажды приглашенъ къ заболѣвшему кн. Репнину, жившему временно въ Вѣнѣ; лѣченіе пошло очень успѣшно, и благодарный паціентъ уговорилъ молодого и талантливаго врача поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Россію. Съ 1802 года Г. поселился въ Москвѣ; вначалѣ совершенно незнакомый съ русскимъ языкомъ, онъ быстро освоился на новомъ мѣстѣ и, въ силу своихъ основательныхъ знаній въ области медицины, пріобрѣлъ огромную практику. Его часто приглашали на консультаціи; двери московскихъ больницъ и богоугодныхъ заведеній были ему открыты. Обозрѣвая эти заведенія, Г. нашелъ множество страдающихъ глазами больныхъ и, всегда отзывчивый къ горю и страданію ближняго, съ разрѣшенія Московскаго губернатора Ланского, энергично взялся безвозмездно за ихъ лѣченіе. Слухи о дѣятельности молодого, искуснаго врача дошли и до Петербурга; 4-го іюня 1807 г. контора Московской Павловской больницы получила приказъ, въ которомъ говорилось, что Императрица Марія Ѳеодоровна находитъ Г. «достойнымъ быть опредѣлену въ Павловской больницѣ надъ медицинскою частью главнымъ докторомъ». По занявъ отвѣтственную и хлопотливую должность главнаго врача больницы, Г. не переставалъ заботиться о своихъ безплатныхъ больныхъ и всегда находилъ время для посѣщенія ихъ. За свою дѣятельность онъ былъ представленъ Ланскимъ къ ордену св. Владиміра 4-й ст.; этотъ знакъ отличія Г. очень цѣнилъ и неизмѣнно носилъ его до смерти на своемъ поношенномъ, но всегда опрятномъ, фракѣ. Въ 1809 и 1810 гг. Г. предпринялъ двѣ поѣздки на Кавказъ для ознакомленія съ тамошними минеральными источниками. Результатомъ этихъ поѣздокъ явился изданный Г. въ 1811 г. весьма цѣнный трудъ: «Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809—1810» (M.1811.4°), гдѣ онъ далъ научное и систематичное описаніе уже извѣстныхъ и вновь имъ открытыхъ (сѣрно-щелочный въ Эссен-

тукахъ) источниковъ, записалъ много сдѣланныхъ имъ химическихъ, топографическихъ и метеорологическихъ наблюденій, живо нарисовалъ природу и бытъ Кавказа; въ частыхъ отступленіяхъ и разсужденіяхъ автора звучитъ глубокое уваженіе къ наукѣ и негодованіе на ея недостойныхъ и корыстныхъ служителей.

1 іюня 1812 г. Г. оставилъ государственную службу, но уже въ 1814 г. поступилъ въ дѣйствующую армію, дѣятельно работалъ на войнѣ и дошелъ съ нашими войсками до Парижа. По окончаніи кампаніи онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ свой родной Мюнстерэйфель, гдѣ засталъ всю семью въ сборѣ у постели умирающаго отца. Не долго однако Г. пробылъ на своей родинѣ; послѣ смерти отца его неудержимо потянуло въ Россію, съ которой онъ успѣлъ уже сжиться. Первое время по возвращеніи въ Москву Г. занимался частной практикой и сталъ вскорѣ знаменитымъ врачомъ, котораго всюду приглашали и къ которому больные часто пріѣзжали изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, такъ что, несмотря на свое безкорыстіе, онъ сталъ обладателемъ большого состоянія: имѣлъ суконную фабрику, имѣніе, домъ въ Москвѣ, ѣздилъ, по тогдашнему обычаю, въ каретѣ, запряженной цугомъ четверкой бѣлыхъ лошадей. Но онъ не забывалъ и бѣднаго люда и много удѣлялъ времени на пріемъ безплатныхъ больныхъ, которымъ помогалъ не только совѣтами, но часто и деньгами.

Въ 1825 г. московскій генералъ-губернаторъ кн. Голицынъ обратился къ Г. съ предложеніемъ занять должность московскаго штадтъ-физика; послѣ долгихъ колебаній онъ принялъ 14 августа 1825 г. эту должность и со свойственной ему энергіей сталъ дѣятельно проводить различныя преобразованія по медицинской части города и вмѣстѣ съ тѣмъ горячо бороться съ той апатіей и тѣмъ безразличіемъ, съ которыми относились къ своему дѣлу его сослуживцы по медицинской конторѣ. Много тяжелыхъ минутъ и огорченій пришлось перенести Г. за короткое время его пребыванія на должности штадтъ-физика; его горячая живая дѣятельность постоянно сталкивалась съ холодной канцелярской инертностью. И начальство и сослуживцы были недовольны «безпокойной дѣятельностью» Г.: пошли жалобы и доносы на него; все, начиная съ его иностраннаго происхожденія и кончая тѣмъ, что свое жалованіе штадтъ-физика онъ отдавалъ своему смѣщенному предшественнику, — ставилось ему въ вину, и черезъ годъ (27 іюля 1826 г.) онъ вынужденъ былъ оставить должность и вновь занялся частной практикой. 24 января 1828 г. было разрѣшено учредить въ Москвѣ губернскій тюремный комитетъ, «по представленію и настоянію» кн. Д. В. Голицына. Князь тщательно подбиралъ личный составъ комитета, нѣсколько разъ измѣнялъ списокъ лицъ, казавшихся ему достойными послужить великому и трудному дѣлу преобразованія тюремъ, но во всѣхъ его спискахъ неизмѣнно стояло имя Г. Въ 1830 г. Г. былъ назначенъ членомъ комитета и главнымъ врачомъ московскихъ тюремъ (въ 1830—1835 гг. онъ совмѣщалъ съ этимъ еще и должность секретаря комитета). Съ этого времени, въ теченіе почти 25 лѣтъ, всѣ свои силы, всю свою жизнь и всѣ матеріальныя средства отдавалъ онъ этой новой дѣятельности, всецѣло захватившей его. Онъ внесъ въ нее искреннюю любовь къ людямъ, непоколебимую вѣру въ правду и глубокое убѣжденіе, что преступленіе, несчастіе и болѣзнь такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что разграничить ихъ иногда совершенно невозможно; Г. поставилъ себѣ цѣлью «справедливое, безъ напрасной жестокости, отношеніе къ виновному, дѣятельное состраданіе къ несчастному и призрѣніе больного»; ничто не могло остановить его въ неукоснительномъ стремленіи къ этой цѣли: ни канцелярскія придирки, ни косые взгляды и ироническое отношеніе начальства и сослуживцевъ, ни столкновенія съ сильными міра сего, ни даже горькія разочарованія. Онъ былъ всегда вѣренъ своему девизу, высказанному въ его книгѣ «Appel aux femmes»: «торопитесь дѣлать добро».

Разъ или два въ недѣлю изъ Московской пересыльной тюрьмы на Воробьевыхъ горахъ отправлялись большія партіи арестантовъ въ Сибирь; при этихъ отправкахъ въ теченіе многихъ

лѣтъ всегда присутствовалъ Г.; здѣсь онъ впервые воочію познакомился съ положеніемъ арестантовъ и ихъ бытомъ и горячо взялся за дѣло возможнаго облегченія ихъ тяжелаго положенія. Прежде всего его поразила мучительность и несправедливость способа препровожденія ссыльныхъ на прутѣ: въ то время какъ каторжники шли въ одиночку, скованные ножными кандалами, менѣе важные преступники препровождались на прутѣ и переносили тяжелую муку, такъ что какъ милости просили у начальниковъ, чтобы съ ними поступали какъ съ каторжниками. Г. энергично сталъ хлопотать объ отмѣнѣ прута, но, несмотря на сочувствіе и поддержку кн. Голицына, хлопоты эти долгое время оставались безрезультатными; Г. тѣмъ временемъ производилъ опыты замѣны прута кандалами, но болѣе легкими, чѣмъ тѣ, которые существовали до тѣхъ поръ. Наконецъ, ему удалось изготовить кандалы съ цѣпью, длиною въ аршинъ и вѣсомъ въ три фунта, которые были достаточно прочны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не такъ утомляли въ походѣ закованнаго въ нихъ; Г. обратился съ горячимъ ходатайствомъ къ комитету о разрѣшеніи перековывать въ эти кандалы всѣхъ арестантовъ, проходящихъ черезъ Москву на прутѣ; вмѣстѣ съ этимъ онъ представлялъ и средства для заготовки первой партіи такихъ кандаловъ, обѣщалъ и впредь доставлять на нихъ средства отъ «добродѣтельныхъ людей» и просилъ разрѣшенія приспособить для изготовленія облегченныхъ кандаловъ кузницу, уже существовавшую на Воробьевыхъ горахъ. Пока по этому вопросу шла длинная канцелярская переписка, кн. Голицынъ рѣшилъ въ Москвѣ ввести новые кандалы для арестантовъ, которые съ восторгомъ и благодарностью встрѣтили эту реформу и назвали новые кандалы «Гаазовскими». Начальники мѣстныхъ этапныхъ командъ съ неудовольствіемъ смотрѣли на нововведеніе, причинявшее много хлопотъ, но самъ Г. зорко и неустанно слѣдилъ за дѣломъ перековки арестантовъ и въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, за исключеніемъ ея послѣднихъ дней, неизмѣнно присутствовалъ на Воробьевыхъ горахъ при отправкѣ каждой партіи арестантовъ. Когда впослѣдствіи кн. Голицынъ часто долженъ былъ уѣзжать по болѣзни за границу, и Г. лишался такимъ образомъ его поддержки, начальники стали рѣзко отказывать въ просьбахъ о перековкѣ арестантовъ. Но «утрированный филантропъ», какъ назвалъ Г. командиръ внутренней стражи Капцевичъ, продолжалъ «гнать свою линію» и добился даже освобожденія всѣхъ дряхлыхъ и увѣчныхъ арестантовъ отъ заковыванія. Видя, какъ въ Москву приходили арестанты съ отмороженными руками въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя надѣвались желѣзныя кольца наручниковъ, Г. началъ энергично хлопотать объ обшиваніи кожей наручниковъ, чего и добился въ 1836 г., когда былъ изданъ указъ «о повсемѣстномъ въ Россіи обшитіи гаекъ у цѣпей кожей». Не менѣе настойчиво хлопоталъ Ѳ. П. объ отмѣнѣ бритья половины головы для не лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія. И эти хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: 11 марта 1846 г. Государственнымъ Совѣтомъ было отмѣнено поголовное бритье головы и удержано только для ссыльно-каторжныхъ. Продовольственный вопросъ тоже привлекалъ вниманіе Г., и, когда въ 1847 и 1848 гг. послѣдовало временное распоряженіе объ уменьшеніи на одну пятую довольства заключенныхъ, онъ внесъ «отъ неизвѣстной благотворительной особы» 11000 р. въ комитетъ для улучшенія пищи содержавшихся въ пересыльномъ замкѣ. Еще 2 апрѣля 1829 г. Г. усиленно ходатайствовалъ передъ кн. Голицынымъ о томъ, чтобы послѣдній уполномочилъ его свидѣтельствовать состояніе здоровья всѣхъ находящихся въ Москвѣ арестантовъ и подчинилъ ему, въ этомъ отношеніи, полицейскихъ врачей, небрежно относившихся къ этому дѣлу; ходатайство его было уважено. Въ 1832 г. его заботами и на имъ же собранныя средства на Воробьевыхъ горахъ была устроена для арестантовъ больница на 120 кроватей, которая и поступила въ его непосредственное завѣдываніе. Здѣсь могъ онъ оставлять несчастныхъ на нѣкоторое время въ Москвѣ «по болѣзни», могъ снимать

съ нихъ кандалы и давать имъ возможность собраться съ нравственными и физическими силами передъ «владимiркой», отогрѣться душевно и найти утѣшенiе и поддержку. Но не только для больныхъ и слабыхъ, а вообще для всѣхъ пересыльныхъ онъ выхлопоталъ разрѣшенiе останавливаться въ Москвѣ на недѣлю, чтобы была возможность дѣйствительно ознакомиться съ ихъ нуждами и помочь имъ. Въ теченiе этой недѣли Г. посѣщалъ партiю не менѣе четырехъ разъ. Онъ выхлопоталъ также разрѣшенiе устроить на другомъ концѣ Москвы, а именно за Рогожскою заставой, полуэтапъ, такъ какъ первый переходъ отъ Москвы до Богородска былъ очень длиненъ, а исполненiе разныхъ формальностей задерживало выступленiе партiи до 2—3 часовъ дня. Вотъ къ этому-то Рогожскому полуэтапу подъѣзжалъ каждый понедѣльникъ, рано утромъ, Ѳ. П. въ своей старомодной, всей Москвѣ извѣстной пролеткѣ, доверху нагруженной припасами для пересыльныхъ. Г. обходилъ арестантовъ, раздавалъ имъ припасы, ободрялъ, напутствовалъ ихъ и прощался съ ними, часто даже цѣлуя тѣхъ, въ которыхъ успѣлъ подмѣтить «душу живу». А нерѣдко можно было видѣть, какъ онъ,— во фракѣ, съ Владимiрскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ высокихъ чулкахъ, а если это бывало зимой, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и старой волчьей шубѣ, — шагалъ нѣсколько верстъ съ партiей, продолжая свою бесѣду со ссыльными. Такое отношенiе къ арестантамъ возбуждало много неудовольствiй противъ Г., и ихъ послѣдствiемъ было то, что въ 1839 г. онъ былъ совершенно устраненъ отъ свидѣтельствованiя пересыльныхъ. Это распоряженiе глубоко оскорбило его, но ничто не могло сломить его энергiю и заставить отступить отъ дѣла, которое онъ считалъ правымъ. Опираясь на свое званiе и право директора тюремнаго комитета, Г. такъ же аккуратно продолжалъ посѣщать пересыльную тюрьму и такъ же горячо заступался за «своихъ» арестантовъ. Его упорство и настойчивость, наконецъ, утомили его противниковъ: на «утрированнаго филантропа» махнули рукой и стали смотрѣть сквозь пальцы на его дѣятельность. Понятно, съ какой любовью и глубокимъ уваженiемъ смотрѣли арестанты на «своего святого доктора», и за всю его «службу» при тюрьмѣ ни одно грубое слово не коснулось его слуха даже въ камерахъ самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, къ которымъ онъ входилъ спокойно и всегда одинъ. Съ надеждой на утѣшенiе и возможное облегченiе ихъ тяжелой участи, шли пересыльные въ Москву и уходили изъ нея въ далекую Сибирь, унося въ сердцахъ воспоминанiе о чистомъ образѣ человѣка, положившаго свою жизнь на служенiе несчастному и обездоленному брату. Когда впослѣдствiи до этихъ людей дошла печальная вѣсть о смерти ихъ заступника, они на свои трудовые гроши соорудили въ Нерчинскихъ рудникахъ икону св. Ѳеодора Тирона съ неугасимой передъ ней лампадой.

Не менѣе плодотворна была дѣятельность Г. и по преобразованiю московскаго губернскаго тюремнаго замка, который былъ въ самомъ ужасномъ состоянiи. По многократнымъ представленiямъ Г. кн. Голицынъ черезъ тюремный комитетъ разрѣшилъ ему въ видѣ опыта перестроить одинъ изъ коридоровъ замка хозяйственнымъ способомъ, и онъ принялся за дѣло, не жалѣя своихъ средствъ для ускоренiя его. Въ половинѣ 1833 г. часть тюремнаго замка приняла образцовый, по тому времени, видъ: чистыя камеры, выкрашенныя масляной краской, освѣщались широкими окнами и были снабжены поднимающимися на день нарами; были устроены умывальники и ретирады, изгнавшiя изъ камеръ зловонную «парашу»; на дворѣ былъ вырытъ колодецъ, а дворъ обсаженъ сибирскими тополями. Г. устроилъ въ тюрьмѣ мастерскiя: переплетную, столярную, сапожную, портняжную и даже плетенiе лаптей. Въ 1836 г. его трудами и на пожертвованiя, собранныя имъ же, была устроена, за неимѣнiемъ мѣста въ губернскомъ замкѣ, школа для арестантскихъ дѣтей при пересыльной тюрьмѣ; Г. очень любилъ дѣтей, часто посѣщалъ эту школу, ласкалъ дѣтей и слѣдилъ за ихъ успѣхами. Онъ заботился также о

духовномъ просвѣщеніи арестантовъ и постоянно хлопоталъ передъ комитетомъ о раздачѣ имъ Евангелія и книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Г. на свои собственныя средства издалъ книжку подъ заглавіемъ: «А. Б. В. христіанскаго благонравія», и раздавалъ ее всѣмъ проходившимъ черезъ Москву ссыльнымъ. Въ этой книжкѣ, начинавшейся текстами изъ Евангелія и Посланій Апостольскихъ, авторъ убѣждаетъ читателя не смѣяться надъ несчастіемъ другого, не гнѣваться, не злословить, а главное—не лгать.

Благодаря самоотверженнымъ усиліямъ Г. возникла «полицейская больница для безпріютныхъ» (нынѣ Александровская больница), которую народъ называлъ Гаазовской. Въ 1844 г. 150 больныхъ арестантовъ были временно переведены въ домъ Ортопедическаго института въ Мало-Казенномъ переулкѣ на Покровкѣ. Домъ этотъ былъ исправленъ и приспособленъ для больницы на личныя средства Г. и на пожертвованія, собранныя имъ же. Сюда же онъ привозилъ въ своей пролеткѣ тѣхъ больныхъ, которыхъ ему иногда во время постоянныхъ разъѣздовъ по городу случалось поднимать на улицѣ. Когда впослѣдствіи арестанты были переведены въ тюремный лазаретъ, Г. всѣми силами старался сохранить эту больницу для безпріютныхъ больныхъ и добился того, что она была признана постояннымъ учрежденіемъ. Въ «своей» больницѣ Г. завелъ и «свои» порядки. Мягкій, деликатный, обходительный, относившійся съ искренней любовью къ своему дѣлу, онъ требовалъ того же и отъ своихъ подчиненныхъ; но прежде всего этого онъ требовалъ отъ нихъ правды и не выносилъ лжи. Въ своей дѣятельности Г. находилъ поддержку въ генералъ-губернаторахъ кн. Д. В. Голицынѣ и кн. А. Г. Щербатовѣ; но съ 1848 г., когда генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ гр. Закревскій, всѣ просьбы и ходатайства Г. стали признаваться не заслуживающими вниманія.

Въ началѣ августа 1853 г. Г. заболѣлъ (у него сдѣлался громадный карбункулъ) и сразу выяснилось, что нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе. Онъ очень страдалъ, но ни одна жалоба, ни одинъ стонъ не сорвались съ его устъ, и 16 августа онъ умеръ такъ же спокойно и тихо, какъ несъ свою многотрудную жизнь. Двадцатитысячная толпа провожала гробъ его къ мѣсту послѣдняго упокоенія на кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. Послѣ его смерти въ скромной квартиркѣ нашли плохую мебель, поношенную одежду, нѣсколько рублей денегъ, книги и астрономическіе инструменты; послѣдніе были единственной слабостью покойнаго, и онъ покупалъ ихъ, отказывая себѣ во всемъ: послѣ тяжелаго трудового дня онъ отдыхалъ, глядя въ телескопъ на звѣзды. Оставшаяся послѣ него рукопись «Appel aux femmes», въ которой Г., въ формѣ обращенія къ русскимъ женщинамъ, излагаетъ тѣ нравственныя и религіозныя начала, которыми была проникнута его жизнь, издана была его душеприказчикомъ докторомъ А. И. Полемъ. Г. не оставилъ послѣ себя никакого состоянія. Но зато велико было то нравственное наслѣдіе, которое оставилъ онъ людямъ. Если при жизни сильно было нравственное вліяніе Г. на москвичей, такъ что одного его появленія передъ волнующейся толпой во время холеры 1848 г. и нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы успокоить эту толпу и заставить ее разойтись, то послѣ смерти свѣтлый образъ этого человѣка можетъ служить всему міру яркимъ примѣромъ, какъ можно осуществить на землѣ идеалъ христіанской любви къ людямъ при самыхъ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ. И несмотря на это, имя Г. было долгое время въ забвеніи, и только въ 1890 г. А. Ѳ. Кони въ своемъ докладѣ, прочитанномъ въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ напомнилъ русскому обществу объ одномъ изъ замѣчательныхъ его дѣятелей.

1 октября 1909 г. Ѳ. П. Гаазу былъ открытъ памятникъ во дворѣ Александровской больницы въ Москвѣ, и къ этому же времени учреждено «Ольгинское благотворительное общество въ память доктора Ѳ. П. Гааза» съ фондомъ въ 20000 рублей.

А. Ѳ. Кони, «Федоръ Петровичъ Гаазъ». — С. В. Пучковъ, «Къ характеристикѣ доктора Ѳ. П. Гааза». — Проф. И. Т. Тарасовъ, «Другъ несчастнаго человѣчества».—Клавдія Лукашевичъ, «Другъ несчастныхъ, докторъ

Гаазъ». — Г. С. Петровъ, «Другъ обездоленныхъ, Ѳ. П. Гаазъ». — Е. Н. Красногорская, «Другъ несчастныхъ Ѳ. П. Гаазъ». — «Московскія Вѣдомости» 1853 г. (Некрологъ). — Очеркъ Лебедева въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1858 г. — Энцикл. словарь Брокгаузъ и Ефронъ т. XIV. (ст. А. Ѳ. Кони). — Духовное завѣщаніе Ѳ. П. Гааза напечатано въ Сборникѣ П. И. Щукина (т. X) и перепечатано въ «Русскомъ Архивѣ» (1912 г. № 6).

О. И. Давыдова.

Габбе, *Петръ Андреевичъ*, писатель, сынъ коллежскаго совѣтника Андрея Андреевича Г., родился въ 1796 году. Съ ранняго дѣтства находился подъ особеннымъ покровительствомъ Цесаревича Константина Павловича, называвшаго его «своимъ Петрушей»; его знала также и носила на рукахъ Императрица Марія Ѳеодоровна. Воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса, онъ служилъ въ л.-гв. Литовскомъ полку и въ чинѣ штабсъ-капитана командовалъ 5-й мушкетерской ротой. По своимъ нравственнымъ качествамъ, уму и образованію Г. занималъ выдающееся положеніе среди полковыхъ товарищей, уважавшихъ его за смѣлость и благородный образъ мыслей. Научная любознательность Г. въ связи съ любовью къ чтенію, открытое порицаніе господствовавшей тогда палочной системы воспитанія солдатъ и попытки защитить ихъ навлекли на него подозрѣніе въ политической неблагонадежности. Съ іюля 1822 г. за нимъ былъ учрежденъ тайный полицейскій надворъ, продолжавшійся до февраля 1823 г., когда «за дерзкія сужденія о высшихъ себя въ чинѣ и даже о начальникахъ своихъ» Г. былъ разжалованъ въ солдаты съ зачисленіемъ въ Волынскій пѣхотный полкъ. 18 сентября того же года онъ получилъ прощеніе, съ возвращеніемъ чиновъ и съ оставленіемъ въ Волынскомъ полку, изъ котораго вскорѣ перевелся въ 49 егерскій полкъ, а въ мартѣ 1826 г. уволенъ въ отставку съ запрещеніемъ въѣзда въ Петербургъ, Москву и Варшаву. Запрещеніе это вызвано было по всей вѣроятности прикосновенностью Г. къ дѣлу декабристовъ, о чемъ сохранилось извѣстіе въ запискахъ одного изъ членовъ общества соединенныхъ славянъ (И. И. Горбачевскаго). Въ 1826 г. Г. получилъ мѣсто главноуправляющаго обширныхъ имѣній Л. А. Нарышкина въ Тамбовской и Саратовской губерніяхъ. Находясь подъ надзоромъ полиціи, онъ проживалъ сперва въ селѣ Березовкѣ Саратовской губ., а потомъ въ кіевскомъ имѣніи жены Нарышкина. Живя въ деревнѣ, Г. свой досугъ посвящалъ литературѣ, чтенію и перепискѣ съ друзьями, къ числу коихъ принадлежалъ и поэтъ кн. П. А. Вяземскій, съ которымъ онъ познакомился еще въ Варшавѣ. Довольно большая его библіотека состояла изъ французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ. Г. помѣщалъ свои стихотворенія и прозаическія статьи въ разныхъ журналахъ. Цѣнителемъ его литературныхъ трудовъ былъ кн. П. А. Вяземскій, пріѣзжавшій къ нему и въ Березовку. Когда Г. пріѣхалъ однажды подъ чужимъ именемъ въ Москву, Вяземскій познакомилъ его съ Пушкинымъ. Въ 1833 году Г. сошелъ съ ума и былъ отправленъ въ Николаевъ. По ходатайству Л. А. Нарышкина и гр. М. С. Воронцова Императоръ Николай I дозволилъ Г. отправиться за границу «съ тѣмъ, чтобы впредь не въѣзжать въ Россію ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ». Дальнѣйшая судьба Г. неизвѣстна.

Изъ литературныхъ трудовъ Г. извѣстны слѣдующіе: 1) Пет. Г.б.е., «Біографическое похвальное слово г-жѣ Сталь-Гольштейнъ». Спб. 1822 г. Вяземскій напечаталъ отзывъ объ этомъ сочиненіи въ «Сынѣ Отечества» 1822 г. № 29; 2) «Байронъ въ темницѣ», элегія (Сынъ Отечества 1822 г. № 43, за подписью Г.б.е. Варшава»); 3) «О способности говорить и молчаливости (Московскій Телеграфъ 1825 г. № 21); 4) «Брату на Кавказъ», стихотвореніе (тамъ же, №22); 5) «Пѣсня», стихотвореніе (тамъ же, №24); 6) «Прогулка за Днѣпромъ» (тамъ же, 1827 г. №№ 4 и 5); 7) Отрывки изъ поэмы Т. Мура: «The loves of the Angels». Переводъ съ англійскаго тамъ же, 1828 г. № 17); 8) Поэзія», «стихотвореніе (Подснѣжникъ 1830 г.).

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. II, 276, 461—463, 548. — Записки Н. В. Веригина (Русская Старина 1892 г., т. 76, 1893 г. тт. 77 и 78). — Русскій Архивъ 1882 г., кн. I, 440